

ставятся и какое намечается решение тех вопросов, о которых пишут авторы сборника, методическую четкость поставленных авторами вопросов языковедения. Вместе с тем в отдельных статьях сборника содержится немало спорного и не доказанного. Эти недочеты ни в какой мере не уменьшают интереса к сборнику в целом и к каждой статье в отдельности и вряд ли могут изменить общее хорошее впечатление. Сборник с интересом прочтут учителя, аспиранты и научные работники.

Е. М. Галкина-Федорук

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ К. А. ЛЕВКОВСКОЙ НА КНИГУ М. Д. СТЕПАНОВОЙ

В одной из своих последних работ Л. В. Щерба писал по поводу определения слова: «В самом деле, что такое „слово“? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого собственно следует, что понятия „слово вообще“ не существует»¹.

Эти слова часто цитируются и подвергаются резкой критике, а между тем они, хотя и в парадоксальной форме, содержат верную мысль о том, что критерии определения слова могут варьироваться от языка к языку, видоизменяясь в соответствии с общими закономерностями, действующими в пределах данного языка.

* Характерно, что именно эту мысль подчеркивал и один из наиболее последовательных оппонентов Щербы в этом вопросе А. И. Смирницкий: «Выясняя, что такое слово „вообще“, мы стремимся к разграничению общих признаков слова и частных особенностей, которыми могут сопровождаться эти общие признаки в том или другом языке. Наблюдая эти частные особенности слова в отдельных языках, мы, естественно, обратим внимание на то, что в одних языках эти особенности дополнительно характеризуют слово в отличие от других языковых образований, тогда как в иных языках имеются такие особенности, которыми грань между словом и другими образованиями, напротив, стирается»².

Расчленение всех отличий слова от близких к нему образований на общие и частные весьма плодотворно и несомненно должно учитываться при анализе вопросов, так или иначе связанных с проблемой слова. Но при этом нельзя забывать диалектическую связь общего и частного: ведь общее проявляется через частное, а значит частное в какой-то мере влияет на общее. Ниже мы попытаемся показать, что такой важный общий критерий, выдвинутый А. И. Смирницким, как цельность и оформленность слова, выявляется по-разному и получает разное значение в сложных словах немецкого и русского языков.

Проблема соотношения сложного слова и словосочетания особенно актуальна для немецкого языка в связи с широким развитием, которое получило в нем словосложение и в особенности образование «определятельных сложных слов» (Bestimmungszusammensetzungen — примером их может служить и сам термин).

Как же разбирается эта в сущности центральная проблема немецкого словообразования в опубликованной недавно монографии М. Д. Степановой «Словообразование современного немецкого языка»? В рецензии К. А. Левковской по этому поводу сказано следующее: «Различие между определятельным сложным словом и соответствующим словосочетанием недостаточно выявляется автором, так как даже в специально посвященном сопоставлению сложного существительного и соответствующего словосочетания параграфе (§ 83, стр. 121—124) вопрос этот рассматривается, в основном, в плане семантическом, с точки зрения понятий, выражаемых компонентами сложного существительного и всем словом в целом. Различие в строении между сложным словом и словосочетанием оставлено при этом в стороне. Да и сама семантика сложного слова рассматривается недостаточно углубленно, так как не дается сколько-нибудь детального анализа взаимоотношения компонентов сложного слова по сравнению с компонентами словосочетания и недостаточно учитывается специфика, связанная с целью оформленностью сложного слова»³ (разрядка моя. — И. Р.).

В дальнейшем мы попытаемся разобраться, насколько эти замечания справедливы. Пока отметим следующее: в начале своей рецензии К. А. Левковская говорит, что она не будет касаться вопросов дискуссионных и укажет только на ряд «недостатков, никак не связанных с дискуссионностью каких-либо вопросов или с неразработанностью тех или иных проблем» (рецензия, стр. 145).

¹ Л. В. Щерба, Очередные проблемы языковедения, ИАН ОЛЯ, 1945, вып. 5, стр. 175.

² А. И. Смирницкий, К вопросу о слове, сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языковедению», М., 1952, стр. 183.

³ ВЯ, 1955, № 1, стр. 150. (В дальнейшем ссылки на рецензию К. А. Левковской даются в тексте в скобках.)

У читателя сразу возникает недоуменный вопрос: неужели все перечисленные выше вопросы К. А. Левковская считает окончательно решенными, не допускающими какой-либо дискуссии? Ведь в немецком словообразовании нет более сложного и противоречивого явления, чем соотношение сложного слова и словосочетания.

В своей книге М. Д. Степанова и пытается показать сложность этой проблемы. В отличие от К. А. Левковской, для которой интересующий нас вопрос решен уже раз и навсегда, М. Д. Степанова подчеркивает, что «этот вопрос чрезвычайно труден и не может быть решен одинаково для всех сложных слов данного (определяющего. — И. Р.) типа»¹. Далее М. Д. Степанова говорит о том, что «степень семантического расхождения между сложным словом и соответствующим словосочетанием различна и зависит от степени пересмысления компонентов сложного слова» (кн., стр. 122). В книге приводятся интересные наблюдения над расширением значения первого или второго компонента, его более абстрактным значением, что несомненно способствует семантической снаниости обоих компонентов (ср. приводимые примеры: *Wagen* и *Hewwagen*, *Kleid* и *Sonntagskleid*, *Golduhr* и *Gold* и т. п.).

Особенно важна подчеркиваемая автором особенность современного немецкого языка, состоящая в том, что «в некоторых случаях» (можно было бы даже сказать: «в очень многих случаях») семантического расхождения между словосочетанием и сложным словом нет или оно «очень незначительно» (см. там же). Это факт исключительно важный для понимания особенностей немецкого языка. Очень часто мы рядом, в одном тексте встречаем *Rat der Außenminister* и *Außenministerrat* «совет министров иностранных дел», *Minister der Justiz* и *Justizminister* «министр юстиции», *Freundschaft der Völker* и *Völkerfreundschaft* «дружба народов»² и т. п. Здесь налицо явное противоречие между формой и содержанием, обратное тому, какое наблюдается в случае устойчивого словосочетания.

М. Д. Степанова пишет: «Легкость образования определительных сложных существительных ведет к тому, что они, являясь по форме монолитными лексическими единицами, часто по значению соответствуют словосочетаниям. В последнее время эта тенденция проявляется достаточно четко. Ср., напр.: *Klemms eigener Chauffeur sollte unbedingt das Gefangenenauto übernehmen...* а шофер Клемма поведет машину, в которой везли пленного» (кн., стр. 134—135).

Пример этот вызывает особенно резкую критику К. А. Левковской, которая усматривает в толковании слова *das Gefangenenauto* «машина, в которой везли пленного» прежде всего смещение значения слова и его употребления. Рецензент, повидимому, не признает, что слово это, создано писателем именно для данного контекста, и потому употребление его здесь совпадает со значением. Нельзя согласиться и с тезисом К. А. Левковской, что «перевод на другой язык вообще не является каким бы то ни было доказательством» (рец., стр. 151). Перевод ничего не может дать для раскрытия структуры сложного слова, его формальных особенностей; что же касается его семантического раскрытия, то перевод может и должен помочь нам.

Основной упрек, который К. А. Левковская делает автору книги «Словообразование современного немецкого языка», состоит в том, что в книге слишком большое внимание уделяется семантической структуре сложного слова, не учитываются его формальные отличия от словосочетания. Упрек этот справедлив лишь отчасти. М. Д. Степанова все время подчеркивает спаянность элементов сложного слова, в частности в связи с наличием централизующего ударения в сложном слове. Однако К. А. Левковская считает, что этого недостаточно. Она все время требует проведения анализа сложного слова с точки зрения критерия цельноформленности. Приведенный пример со словом *Gefangenenauto* она предлагает разбирать так: «Первый компонент этого (цельноформленного) сложного слова — основа, в которой отсутствует грамматическое оформление, характерное для слова...» (рец., стр. 151). Теперь становится ясным, что К. А. Левковская имела в виду, говоря в начале рецензии о «недискуссионности» и «решенности» ряда вопросов. Она в сущности требует, чтобы слова типа *Gefangenenauto* разбирались в немецком языке так, как А. И. Смирницкий разбирает в русском языке слова *датско-норвежский*, *овцебык*, *пароход*³. Здесь в сущности выдвигается требо-

¹ М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, М., 1953, стр. 121—122. (В дальнейшем ссылки на книгу М. Д. Степановой даются в тексте в скобках.)

² В подобных случаях можно было бы говорить о своеобразной лексико-грамматической синонимии, имея в виду, что в качестве синонимичных образований и слово, и словосочетание выступают здесь как лексико-грамматические единицы. Однако вопрос этот требует специального рассмотрения.

³ «Здесь вторые компоненты, рассматриваемые сами по себе, казалось бы, выделяются в речи как отдельные слова: *норвежский*, *бык*, *ход*; но будучи связаны с такими первыми компонентами, как *датско-*, *овце-*, *паро-*, которые не оформлены как отдельные слова (что ясно воспринимается на основе их сопоставления с *датский*, *-ая*, *-ое*, *овца*, *овцы*, *пар*, *пара* и пр.), они и сами теряют характер отдельных слов» (А. И. Смирницкий, указ. соч., стр. 194).

вание, чтобы все вопросы словообразования немецкого языка излагались «по Смирницкому». Между тем такая трактовка связана по меньшей мере со значительными трудностями. Дело в том, что в таких соединительных элементах немецких сложных слов, как *-en-* и *-s-* для основ слов мужского рода, еще чувствуется (для различных категорий слов с большей или меньшей степенью отчетливости) определенная связь с флексией родительного падежа. Сравнивая такие пары, как *des Friedens Bollwerk* (в высоком стиле) и *das Friedensbollwerk* («плот мира») или *des Kriege(s) Gewölk* и *das Kriegserwölk* «туча войны», мы с трудом можем рассматривать первый компонент как лишенный цельного оформления. Конечно, в ряде других случаев мы гораздо явственней чувствуем обособленность соединительного элемента, а в связи с этим неформленность первого компонента (в первую очередь это относится к соединительному элементу *-s-* после основы женского рода типа *Regierungserbschaft*). И несомненно, что на фоне подобных случаев *-s-* (или *-en-*) воспринимается именно как соединительный элемент и в остальных случаях. Тем не менее определенности соотносительности первого элемента с формой родительного падежа не может не учитываться при анализе немецких сложных существительных, и, повидному, именно наличие такой соотносительности объясняет легкость образования сложных слов типа *Friedensbollwerk* из сочетаний типа *des Friedens Bollwerk*.

Еще менее оправдан анализ, исходящий из критерия цельнооформленности, для слов типа *Armesünderglockchen*, *Armeleutehaus*, *Gutenachtkuß*, *Tagundnachtgleiche*. Как говорит М. Д. Степанова, здесь «члены первого компонента обнаруживают склонность к заставанию в определенной грамматической форме (обычно именительного падежа)...» (кн., стр. 140). Говорить здесь о сложных основах, а *-e-* или *-en-* рассматривать как соединительные элементы (именно это в сущности предлагает рецензент для подобных случаев) — значит допускать явную натяжку.

Как, наконец, разбираться, исходя из критерия цельнооформленности, случаи, когда один из компонентов сложного слова как бы «обслуживает» компоненты двух или больше слов; ср.: *Mittel- und Hochschulen* «средние школы и высшие учебные заведения» или, когда часть сложного слова выступает одновременно в том же самом предложении как самостоятельное слово, например:

... Und kommt
Die Schwester von Urbino und kommt sie fast
So sehr um *deini-* als der Geschwister willen
(Goethe, Torquato Tasso)

«... а если сестра Урбино и придет, то придет она, пожалуй, столь же ради тебя, сколь и ради брата и сестры».

Применив здесь критерий цельнооформленности, мы можем дойти до утверждения, что *deint* здесь отдельное слово, раз *willen* цельнооформлено. Между тем *dein(e)t-* здесь неотъемлемая часть слова *dein(e)twillen*.

Действительный недостаток соответствующих разделов книги М. Д. Степановой состоит в том, что вопросы, касающиеся структурных особенностей первого компонента сложного слова, не сформулированы достаточно четко, в связи с чем они и не могут служить подлинной основой для дискуссии; но нельзя не видеть заслуги автора в том, что он стремился отобразить реальные противоречия языковой действительности, а не навязывать языку мертвые схемы.

Главное достоинство книги М. Д. Степановой состоит в том, что через всю книгу красной нитью проходит мысль о тенденции к стягиванию словосочетаний, к образованию сложных слов как существенной особенности словообразования именно немецкого языка. В этом отношении особенно важен вывод о том, что «словосложение как бы проникает в область других способов образования лексических единиц, стягивает их в сферу своего влияния, становится центром словообразовательной системы немецкого языка в целом» (кн., стр. 364).

Вывод о тенденции стягивания словосочетаний вполне согласуется с общими тенденциями в немецком языке ко все более монолитному оформлению группы существительного к монофлексии, но все меньшей самостоятельности подчиненных членов в группе существительного¹. В сущности, стягивание двух слов в одно в группе существительного представляет собой логическое завершение указанных выше тенденций.

М. Д. Степанова проследживает действие этих тенденций внутри словообразовательной системы немецкого языка. Она поднимает очень интересный, хотя во многом еще дискуссионный вопрос о полуаффиксах, компонентах, как бы застывших на полпути к превращению в аффикс. К. А. Лепковская с порога отвергает всякую мысль о полуаффиксах: «частей слова, которые не были бы ни основами, ни аффиксами, в языке вообще не существует» (ред., стр. 148). Итак, или основа, или аффикс — *tertium non datur*.

¹ См. В. Г. Адмони, О некоторых закономерностях развития синтаксического строя, Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР], V, М., 1953.

Из истории немецкого языка известно, что ряд современных суффиксов, например, *-heit*, *-schaft*, образовался из самостоятельных слов, ставших компонентами сложного существительного. Это факт, которого никто не отрицает. Возникает, однако, вопрос, каким образом происходил процесс перехода этих элементов из одного качества в другое: путем скачка (из компонента сложного слова в аффикс) или постепенно, через какую-то промежуточную стадию. Если мы придерживаемся принципов марксистского языкознания, то мы должны, по видимому, признать, что в течение какого-то довольно длительного периода (по традиционной хронологии приблизительно совпадающего с древневерхнемецким) существовало образование, промежуточное между основой и аффиксом, и что принципиально в признании этого факта нет ничего порочного. Будем ли мы называть эти промежуточные образования «полуаффиксами», как предлагает М. Д. Степанова, или как-то иначе — это вопрос терминологии. Сущность же спора состоит в другом. М. Д. Степанова считает, что процесс перехода основ в аффиксы продолжается и в современном немецком языке, причем целый ряд образований как бы «застывает» на этом промежуточном этапе; К. А. Левковская, сколько можно судить по рецензии, отвергает такую возможность. Обе точки зрения остаются дискуссионными, но всякому, кто непредубежденно подходит к фактам живого языка, ясно, что точка зрения М. Д. Степановой более соответствует общим закономерностям именно немецкой языковой системы и особенно тенденциям «стягивания».

Необходимо, однако, сделать одно уточнение. Говорить о тенденции «стягивания», о «центростремительных силах» в немецком языке можно только для системы имени, в то время как в системе глагола действуют как раз обратные силы, как бы «центробежные», ведущие, наоборот, к раздваиванию слова.

Анализ слова в немецком языке подтверждает мысль А. А. Поттебни: «В русском языке, как и в других сродных, по направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола»¹. Акад. В. В. Виноградов, приводя эту формулу Поттебни, признает, что она «...сохраняет (впрочем, с очень существенными ограничениями) свою остроту и силу для современного русского языка»². Он подчеркивает, что «контраст имени и глагола поддерживается и морфологическими отличиями в приемах словообразования»³. Конечно, в каждом языке это различие между именем и глаголом проявляется по-разному. В немецком языке оно проявляется именно в тенденции «стягивания» в системе имени и «отталкивания» в системе глагола. О первой тенденции уже говорилось, поэтому мы остановимся специально на второй.

Известно, что в немецком языке наблюдается тенденция к двухкомпонентному строению сказуемого. «Для сказуемого в немецком языке вообще характерна известная тенденция к сложному строению, т. е. к наличию в нем не одного, а двух или более слов»⁴.

Тенденция эта, синтаксическая по своему существу, проникает и в область морфологии глагола, в особенности его словообразования. Речь идет здесь о глаголах, которые по традиционной терминологии называются «глаголами с отделяемыми приставками», типа *'aufstehen* (*stehe, stand auf*), *zu'rückverlangen* (*verlang(t)e zurück*) и т. п. По своему происхождению «приставки» в этих глаголах — наречия, но в современном языке они слились в тесное единство с глаголом и воспринимаются как часть слова. В силу общей тенденции «отталкивания» в системе глагола элементы *auf*, *zurück* и т. п. в личной форме глагола в самостоятельном предложении оказываются отделенными от основы глагола, в то время как в именных формах выступают с ним как единое целое (только частица *zu* в определенных случаях употребления инфинитива и формант *ge-* в причастии II вклиниваются между этим элементом и основой глагола).

Глаголы типа *'aufstehen* легли камнем преткновения на пути защитников цельно-оформленности как критерия, без которого слово уже не является словом, а становится чем-то иным. И вот появились всевозможные обозначения для таких глаголов, например, «глаголы с приглагольными наречиями», «глаголы с наречными частицами», «фразеологические единицы особого типа» и т. п. Главное, чтобы эти «единицы» ни в коем случае не именовались словами⁵.

¹ А. Поттебня, Из записок по русской грамматике, I—II, 2-е изд. Харьков, 1888, стр. 534.

² В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 51.

³ Там же, стр. 54.

⁴ В. Г. Адмони, Введение в синтаксис современного немецкого языка, М., 1955, стр. 54.

⁵ Ср.: «В словарном составе германских языков широко распространены глагольные единицы, состоящие из глаголов и особых наречий, напр. нем. *aufstehen*, англ. *stand up*, шведск. *stå upp*, датск. *stå op* («вставать»). Такие образования в каждом из германских языков обнаруживают свои особенности, однако всем им свойственно то общее, что они не представляют собой цельнооформленных слов. Поэтому традиционное рассмотрение подобных единиц как слов (производных или сложных) является неправомерным» (К. С. Брыковскй, Глагольные единицы типа *aufgehen* и типа *hinaufgehen* в современном немецком языке. Автореф. канд. дисс., М., 1955, стр. 1).

Между тем критерий цельноформленности — не единственный и не важнейший критерий слова. В одних языках он может явиться общим критерием, а в других частным. Мы не беремся судить об английском языке, на материал которого в основном опирается А. И. Смирницкий; повидимому, там критерий цельноформленности является одним из самых важных. Можно согласиться с А. И. Смирницким и относительно русского языка, хотя здесь уже намечаются некоторые ограничения. Так, В. В. Виноградов указывает: «В таких языках, как русский, отличие слова от морфемы поддерживается невозможностью вклинить другие слова или словосочетания внутрь одного и того же слова. Но все эти признаки имеют разную ценность в применении к разным категориям слов. Например, *никто*, но: *ни к кому*; *некому*, но *не у кого*; *потому что*, но: *я потому не писал, что твой адрес потерял* и т. п. (ср. *есть где*, но: *негде*, *недодорожится*, но: *не очень удорожится* при отсутствии слова *удорожится*, и т. п.)»¹. Что же касается немецкого языка, то в нем признак цельноформленности имеет ценность только там, где он в противоречит описанным выше тенденциям, производящим всю языковую систему.

Глаголы типа *aufstehen* остаются единичными словами, несмотря на свою раздельно-формленность. Первые компоненты их гораздо ближе к подлинным префиксам, чем к каким-либо частям застоявшего фразеологического сочетания. Они, как правило, легко выделяются при морфологическом анализе, причем в как какие-либо части или частцы речи, а именно как подлинные словообразовательные форманты². Не случайно грамматическая традиция относит их к приставкам. Термин «отделяемые приставки» в принципе вовсе не так плох.

В такой науке, как языкознание, нельзя не принимать во внимание и того, как воспринимают данное образование члены языкового коллектива, говорящего на данном языке. Следует считать с тем, что грамматисты, родным языком которых является немецкий (например, Гримм, Вильманс, Пауль, Хенцен), воспринимают образование типа *aufstehen* как слова. Необходимо в какой-то мере принимать во внимание и написание этих глаголов (например, в придаточном предложении). Но, конечно, главное здесь в том, что по своей смысловой структуре глаголы типа *aufstehen* весьма близки к глаголам типа *bestehen*. Этим объясняется в сущности одно из живых противоречий словообразовательной системы немецкого глагола, в которой, несмотря на господствующую и очень устойчивые тенденции «отталкивания», ряд глаголов переходит из одного словообразовательного типа в другой: например, в *übergeben*, *überlassen*, *übertragen* первый компонент раньше отделился, теперь же неотделим и в личных формах³, а в некоторых случаях до сих пор наблюдаются колебания (с *durch-*, *über-*, *um-*, *wider-*). Иногда, наоборот, первоначально неотделимые приставки начинают отделяться, например, *miß*; ср. в разговорной речи *verstehe mich nicht miß*. Все это говорит о живых связях между глаголами обоих типов и должно учитываться при решении вопроса о том, считать ли глагол типа *aufstehen* словом или фразеологической единицей. Поэтому точка зрения М. Д. Степановой, полагающей, что эти глаголы надо считать глаголами с «полупрефиксами», имеет право на существование. Конечно, она дискуссионна, в особенности если учесть, что «полупрефиксами» существительных М. Д. Степанова называет образования совсем другого типа (например, *Mordsskandal*).

Действительным недостатком книги М. Д. Степановой является то обстоятельство, что описанные выше тенденции не вскрываются автором с достаточной ясностью, хотя материал, приводимый в книге, давал возможность поставить соответствующие вопросы.

Эти тенденции и особенно контраст в этом отношении между именем и глаголом очень важны для понимания всех процессов словообразования. Особенно ярко эти тенденции проявляются при образовании неологизмов, например, при образовании глагола от цельноформленного сложного слова. Образованный глагол при этом испытывает действие центростремительных сил, о которых говорилось выше, и часто оказывается разорванным. Так, Маркс образует от существительного *Nationalverein*, повидимому, через помет *agentis* — *Nationalvereiner*, неологизм *nationalvereiner*, внутрь которого вклинивается *zu*; ср.: «Wie Miquel und seine jetzigen Freunde die vom preussischen Prinzregenten inaugurierte «Neue Ära» am Zopf faßten, um nationalzuvereiner...»⁴

Цельноформленным слово *Nationalverein* оказалось именно в результате «стягивания», действия центростремительных сил в группе существительного (ср. *der Nationale Verein*), но как только данная основа попадает в систему глагола, она преоб-

¹ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 10.

² Ср. глаголы типа *auffrischen*, *abästen*, *abbeeren* при отсутствии глаголов: *frischen*, *ästen*, *beeren*. Ясно, что они образованы при помощи соответствующих словообразовательных средств от именных основ.

³ См. Н. Paul, *Deutsche Grammatik*, Bd. V, Halle a / S., 1920, стр. 35.

⁴ Письмо к Ругельману от 23 февраля 1865 г. Цит. по кн.: К. Marx und F. Engels, *Ausgewählte Schriften in zwei Bänden*, Bd. II, Moskau, 1950, стр. 429.

разуется в результате действия противоположно направленных сил, и глагол становится раздельнооформленным.

Подобные явления вообще нередки в области сложных глаголов и глаголов, образованных от сложных существительных. Пауль приводит, например, следующий случай «расклинивания» глагола: глагол *lustwandeln* «прогуливаться» встречается у Гёте как в форме *lustzuwandeln*, так и в форме *zu lustwandeln*. Существительные *Schauspiel* «спектакль» послужило основой для глагола *schauspielern* (генер. чаще *schauspielen* от *Schauspieler*). Гёте употребил однажды (правда, в виде каламбура) этот глагол в раздвоенной форме: *schau zu spielen*¹.

Таким образом, приходится признать, что критерий цельнооформленности можно применять, только учитывая специфические особенности соответствующего языка.

В этом отношении очень показателен следующий пример. В русском языке получили очень широкое распространение приложения, выраженные существительными. причем оба существительных обнаруживают довольно тесное единство, что подчеркивается написанием через дефис (поэт-революционер, ученый-художник, народный-братя и т. п.). Акад. А. А. Шахматов считает, что ряд таких словосочетаний «...стоит на границе между сложным словом... и двумя словами, соединенными союзом или соединительной паузой»². Все же их приходится признавать словосочетаниями, во-первых, потому, что оба компонента сохраняют свою цельнооформленность, а во-вторых, и это главное, потому, что в системе русского языка каждое слово более автономно и в нем не проявляются так сильно силы стягивания.

В немецком языке имеются образования, внешне абсолютно идентичные с приведенными выше русскими. Тем не менее они всегда рассматриваются как сложные слова. И это вполне понятно. Во-первых, в немецком языке подобные образования очень редки и они оказываются вовлеченными в общую систему сложных существительных, а во-вторых, само это вовлечение в систему сложных существительных объясняется действующими в немецком языке и описанными выше тенденциями стягивания. Сюда относятся также существительные, как *Prinz-Regent* (пишется и *Prinzregent*), *König-Herzog* (пишется и *Königherzog*), *Königin-Mutter* (пишется и *Königinmutter*³, а также *Königin Mutter*), *Dichter-Philosoph* (пишется и *Dichterphilosoph*⁴).

Тенденция к стягиванию в немецком языке ярко проступает и в случаях превращения подлинного приложения в сложное слово. Так, например, в диалектах немецкого языка очень распространены сложные слова типа *Schreiner-Lorenz*, *Keßler-Franz*⁵ с ударением на втором компоненте вместо *der Schreiner Lorenz*, *der Keßler Franz* (или *Lorenz*, *der Schreiner* «столяр Лоренц» и *der Keßler Franz* или *Franz*, *der Keßler* «котельщик Франц»). Эта тенденция подтверждается в Бехагелем, который пишет: «В диалектной речи (*in mundartlicher Rede*) происходит стяжение (*das Zusammen-schben*) обоих членов определяющей группы в сложное слово, напр. *der Keller-Gottfried*, *de Forste-Karl*, *d' Sive-Kalls*»⁶.

Таким образом, критерий цельнооформленности, будучи общим критерием слова для одних языков, становится частным, дополнительным для других.

Мы никоим образом не хотим отрицать заслуг А. И. Смирницкого в разработке проблемы слова. Продолжая традиции лучших русских языковедов, А. И. Смирницкий внес много нового в наше понимание проблемы слова, оставив после себя интересное наследие, нуждающееся в творческой разработке. Но, во всяком случае, неправомерно и противоречит всем принципам советской науки превращение системы взглядов одного ученого в некий эталон, который прилагается ко всем работам в данной области с целью проверки их научной состоятельности.

Действительные достоинства и недостатки книги М. Д. Степановой, как и любой другой работы в данной области, могут быть оценены только при условии непредвзятого подхода, признания за каждым научным работником права идти своим путем.

И. И. Реввин

¹ См. Н. Пауль, указ. соч., стр. 40—42.

² А. А. Шахматов, Слитакслес русского языка, 2-е изд., Л., 1941, § 518.

³ См. Н. Пауль, указ. соч., стр. 7.

⁴ Бехагель последний случай рассматривает как аппозицию, и подчеркивает, что «в соответствующих древнемецких примерах, повидимому, между обоими членами обязательно была пауза» (O. Behagel, Deutsche Syntax, Bd. III, Heidelberg, 1928, стр. 419).

⁵ Ср. М. Д. Степанова, указ. соч., стр. 145.

⁶ См.: J. Schäffler, Das Mundartenbuch, Berlin — Bonn, 1926, стр. 109.

⁷ O. Behagel, указ. соч., стр. 422.